

Воронежские
ревизские сказки
XVIII в.

С 1719 по 1857 г. в России проводились ревизии — переписи податного населения, подлежащего обложению и воинской повинности. Всего состоялось 10 ревизий. Поскольку каждая перепись продолжалась несколько лет, исследователи в каждой из них выделяют «основной год», когда была учтена наибольшая масса населения. Так, «основным годом» первой ревизии считается 1719, второй — 1744, третьей — 1762—1763, четвертой — 1782, пятой — 1795, шестой — 1811, седьмой — 1815, восьмой — 1833, девятой — 1850 и десятой — 1857¹. Ревизуемые подавали о себе сведения, или сказки, в которых сообщали данные о лицах мужского пола в составе своей семьи: о возрасте, национальной принадлежности, социальном и семейном положении, роде занятий и службе, о размерах податных платежей и т. д. Сказки собирались на местах: в имениях — владельцами или их приказчиками, в поселениях государственных крестьян — старостами и другими должностными лицами, в городах — представителями городского управления. Затем ревизские сказки суммировали, обобщали, объединяли в «переписные книги», «перечневые росписи», «окладные книги» по отдельным станам, уездам и губерниям.

Сохранилось немало ревизских сказок XVIII и первой четверти XIX в. Они хранятся как в центральных архивах, так и на периферии.

Ревизские сказки — важные историко-лингвистические источники. Историческая наука располагает иссле-

---

¹ Советская историческая энциклопедия, т. 11. М., 1968, стр. 914; Источниковедение истории СССР. Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1973, стр. 251—252.

дованиями, построенными на материалах ревизских сказок², а лингвистами сказки не изучались³.

Язык русской деловой письменности XVIII в. изучен недостаточно⁴. Поэтому обзорные ревизские сказки, составленные в воронежских местах, представляются актуальным.

Книги с записями ревизских сказок входят в фонд Воронежской казенной палаты (ф. 18) и насчитывают 81 ед. хранения. Самые ранние сказки относятся к 1744 г. и образуют 16 ед. хранения; к 1745 г. относится 11, к 1746 и 1748 гг. — по одной ед. хранения, к 1762 г. — 18, к 1763 и 1764 гг. — по одной ед. хранения, к 1782 г. — 10 и к 1795 г. — 23 ед. хранения. Эти материалы представляют почти всю Воронежскую губернию XVIII в.: Валуйский, Воронежский, Белоколодезский, Демшинский, Землянский, Коротоякский, Костенский, Нижнедевицкий, Ольшанский, Орловский, Острогжский, Полатовский, Усердский уезды с относящимися к ним городами и селениями. Большая часть книг довольно внушительного объема. Так, сказки по городу Костенску и Костенскому уезду за 1744 г. (№ 11) составляют 924 листа, по Усманскому уезду за 1744 г. (№ 16) — 1445 листов, по Борщевскому стану Воронежского уезда за 1763 г. — 1097 листов, по Камышенскому и другим станам Ольшанского уезда 1744 г. (№ 14) — 939 листов. Сказки

---

² *Е. П. Подъяпольская*. Ревизские сказки как исторический источник. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия». М., 1952; *Ф. М. Лаппо*. Ревизские сказки как источник по истории русского крестьянства (по материалам 3-й ревизии). «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1960 г.». Киев, 1962; *В. М. Кабузан*. Народонаселение России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1963; *В. М. Проторчина*. К вопросу о составе населения г. Воронежа в период первой ревизии. «Из истории Воронежского края», вып. III. Воронеж, 1969; *С. Вахтре*. Подушные ревизии в Естляндской губернии (1782—1852 гг.) и их данные как источник истории крестьянства. АДД. Тарту, 1970.

³ Нам известна лишь статья В. А. Скогорева и В. И. Собинниковой «Памятники письменности XVII—XVIII вв. в Воронежском областном архиве», где приводится некоторый материал из местных ревизских сказок. См.: «Исследования источников по истории языка и письменности». М., 1966, стр. 250—251.

⁴ *С. И. Котков*. Таможенные книги Камер-коллегии — источники по истории русского языка. «Русское и славянское языковедение». М., 1972, стр. 135.

писались обыкновенно писцами местного происхождения, и поэтому могут служить материалом для исследования народно-разговорной и диалектной речи той поры.

Сказки содержат ценные сведения для изучения лексики русского языка XVIII в. По сказкам можно судить о состоянии в то время некоторых групп лексики.

Поскольку подававший сказку сообщал о месте жительства и членах своей семьи, их роде занятий и должности, в ревизских сказках богато представлена лексика, связанная с областью административных и социальных отношений. Деятельность государственных учреждений отразилась в употреблении таких слов, как: указ, штраф, инструкция, контора, жалование, канцелярия, канцелярист, писец, приказный, пристав, секретарь, ведомство, свидетельствовать, подушный оклад, прошение, протоколист, рапортовать. Слово *паспорт* выступает в разнообразном фонетическом оформлении: подшпорт (№ 9, л. 49), почпорт (№ 9, л. 444), пошпорт (№ 21, л. 8), пошпортом (№ 8, л. 129); неустойчивость фонетического облика слова свидетельствует о том, что это заимствование из немецкого⁵ в середине XVIII в. еще не было вполне усвоено русским языком.

Примеры социальной терминологии, характеризовавшей дифференциацию общества в XVIII в.: дворовые люди (№ 9, л. 193), крепосные дворовые люди (№ 9, л. 577), крестьян и наемных работников и пришлых гулящих людей никого не имеется (№ 9, л. 193), прихоцкие люди (№ 21, л. 19), живу нанимаясь у обывателей по батракам (№ 9, л. 240), ежели при генеральной ревизии явится разночинць и незаконно-народженные из людеи боярския отпущенные из дому. . . писать в цехи (№ 9, л. 407), оной Василии в прежнюю перепись написанъ знатно подьяческою ошипкою в однокворцы а оной не одной не однокворецъ крепостной дворовой члвкъ (№ 21, л. 819), посацкий человекъ (№ 9, л. 474), купец (№ 9, л. 578), помещика (№ 9, л. 604), дворянинъ (№ 21, л. 176).

Немало наименований служб и занятий, которые выполняло население. Первостепенное значение имеют сказки для изучения профессиональной лексики. Вот

---

⁵ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. III. М., 1971, стр. 213.

некоторые примеры: коверщик Андреи Иванов (№ 9, л. 36), и определенъ возницею при которой услугѣ и нне в домѣ архиереиском обретается (№ 9, л. 85), конюший (№ 9, л. 84), лекарь (№ 9, л. 479), взять в службу в казенные печники (№ 9, л. 479), при соборной богоявленской цркви пономаремъ имѣтся (№ 8, л. 345), умре в погонщикахъ (№ 10, л. 117), на линии в подмощиках умре (№ 10, л. 12), имѣтъ рукомесло кузнечное (№ 9, л. 442), питается портнымъ своим ремесломъ (№ 9, л. 360), *отданъ . . .* на суконной фабрики в суконщики (№ 9, л. 380), сторошь Степанъ (№ 9, л. 57), ширникъ Федоръ Степановъ снъ Рубцовъ (№ 9, л. 237), пропитание он себе имѣет ремеслом своим ворит пива (№ 9, л. 474), Андрѣй. . . в плотниках (№ 10, л. 204), дворовых людей и скотниковъ (№ 21, л. 296), весною пошел на бударе в кормщиках (№ 21, л. 384) и т. д.

Подававший ревизскую сказку под страхом «жесточайшего истезания» и «взетья штрафа» должен был показать всех членов семьи, от «престорѣлых и до сущего младенца». С этим связано наличие в сказках большого количества слов, обозначающих родственные отношения: у него новорожденные дѣти Лаврентей близнецы Иван Семен (№ 6, л. 190), у него дети. . . близнята Григорей да Тимофеи (№ 6, л. 492), дети Михаила четырнатцати Семен четырнатцати *ж* оные блязнята были (№ 10, л. 299), внукъ (№ 6, л. 1), внучата (№ 6, л. 294), братъ двоюродной (№ 6, л. 27), у него зять Устинъ (№ 6, л. 26), у него снъ а мнѣ девер Козма (№ 6, л. 27), диверья (№ 10, л. 339), кресному *отцу* (№ 8, л. 723), пасынок (№ 9, л. 232), у Петра пасанакъ Андреи Каприянов снъ (№ 6, л. 229), у меня и у вотчима моего новорожденных детей братьевъ племянниковъ . . . никакихъ нетъ (№ 6, л. 17), племянникъ . . . шти лѣтъ (№ 8, л. 293), правнукъ (№ 8, л. 449), прадед мой (№ 8, л. 475), у него пасынакъ а мне сводной братъ Михаила (№ 6, л. 463), родсѣтвенникъ Фолимон Сафонов снъ Востриковъ (№ 6, л. 285), ближних сродственников (№ 9, л. 182), свойственникъ (№ 8, л. 394), у меня сведеной брат (№ 8, л. 821), у него *ж* Данилы своякъ Иванъ (№ 6, л. 435), у тестя моего *приемущъ* Семен Мухордин (№ 6, л. 457), женился он . . . на дочери ево дѣвки Даре а на ево Маркиной своячене (№ 6, л. 1055), за снохою ево Аленою (№ 21, л. 348), шурья мои (№ 8, л. 501), троюродный брат (№ 8, л. 745) и мн. др.

Все перечисленные слова были свойственны живой народной речи. Подобные термины родства устойчиво сохраняются в современных воронежских говорах: *И близнѣты и трайчѣты бывають* (Никольское); *Вѣтчим у меня был харошѣй* (Тресоруково); *Два дѣверя было* (Репное); *Был у минѣ свидинѣй брат* (Боровое); *Племѣнник учить пашол* (Репное); *Шурин бол'нѣ п'янчѣга бал'шой* (Старая Хворостань); *Сваячина*⁶ *умирла маладой, ат тифу* (Новая Ольшанка).

Члены семьи не только перечислялись, но и указывалось их физическое состояние. Поэтому в сказках нередко встречаем обозначения частей человеческого тела, болезней, общего состояния больного и т. п.; обращает на себя внимание круг устойчивых словосочетаний, связанных с народной медициной: *внукъ Понкрать . . . на ногах раны а на руках бугры* (№ 6, л. 93), *у меня на обѣях сторонах в пахах грыжа* (№ 6, л. 310), *Никита Шамаринѣ налицо в луно черевы выходятъ* (№ 6, л. 436; ср.: *лунѣ* — 'пупок, пуп', *черева* — 'внутренности, кишки, потрох'. Даль. Слов.), *а нне мне пятьдесятъ семѣ летѣ и обстою всегда в болезни* (№ 6, л. 593), *а нне я Иванѣ и жена моя пришли в старость и в скорбѣ* (№ 6, л. 650), *у меня ж от болезни в рукахъ свело палцы а левая нога высохла* (№ 6, л. 746), *я ж страменѣ нагами и мало хождения имею* (№ 6, л. 862), *одержим порчию болѣзнию и рукою лѣвою не владеть* (№ 6, л. 921), *мои атец. . . болея полугоду в недвижимой болезни лежитъ при смерти* (№ 6, л. 975), *оной Иван за болезнею одержим в ногах ламотною болезнею* (№ 6, л. 988), *о чемъ Михаила Самуилов что нне нищѣ глазами поданною сказкою объявил* (№ 6, л. 1068), *левою рукою сухорукѣ* (№ 7, л. 19), *увечен падчею болезнею* (№ 7, л. 26), *глазами слепѣ* (№ 6, л. 42), *правую нагою хромѣ и страмен* (№ 7, л. 72), *скорбенѣ гортаню от которой болезни едва движения имеет* (№ 7, л. 74), *в правой ноге кострець сшибенѣ* (№ 7, л. 75), *в правой ноге жилы свѣло* (№ 7, л. 95), *обои руками сухарукѣ* (№ 7, л. 164), *на нагах раны и собою вес страмен* (№ 7, л. 408), *одержим наружною болезнею* (№ 21, л. 196), *снѣ Андрей пяти лѣт болѣи и правая нога в вертлугѣ*

⁶ Слово *сваячина* встречается и в других южнорусских говорах, см.: С. И. Котков. Из истории некоторых диалектных слов. «Материалы и исслед. по русской диалектологии», т. III. М., 1962, стр. 162.

вывернута и перед лѣвою ногою на два вершка коротка (№ 21, л. 445; ср.: *вертлюг* — 'сустав, на котором обращается ляшка'. Даль. Слов.); увечень у правой ноги плесно *от* болезни отпало (№ 21, л. 535; ср.: *плесна* — 'стопа, ступня, лапа, вся нога от пятки до перстов'. Даль. Слов.); оной Евстрат *от* ломотною болезни в ранах и весь страмень (№ 21, л. 816), малоумень (№ 6, л. 27), от лому ему Степану оби руки свяло (№ 8, л. 122), руками и ногами росслаблен (№ 9, л. 69), умошь рушимъ (№ 8, л. 653), бываетъ одержимъ порчею болѣзнию (№ 9, л. 91), увечень гортанию болезнию малогласень (№ 9, л. 195), *от* той службы за глухотою и за малоумием отставлен (№ 9, л. 437).

В ревизских сказках получили отражение определенные черты локальной речи. Отметим, в частности, диалектизм *меншек*: Иван меншек двенадцоти недель (№ 9, л. 135). Слов. Акад. 1789 г. отмечает *меншак* как образование «простонародное» в значении 'младший сын'. В воронежских говорах сохранилось *меньшак*: Он у нас мин'шак (Бобяково). Отметим глагол *казать* 'говорить, сказать': а потомъ из одного местечка там казать лѣтъ з десять ево Семена. . . выслали (№ 21, л. 89). Ср. в воронежских грамотах XVII в., хранящихся в местном архиве: а спол на Дон тому лѣт с пят казать (ф. 182, оп. 1, № 17, л. 6), тово ж села Дубового Петръ Попарин до Сапрон Буляев казали что де у нас в том селе Дубовомъ Федора Хорланова . . . нѣтъ (ф. 182, оп. 1, № 80, л. 4). Регистрация *казать* с названной семантикой в старых воронежских текстах подтверждает его южнорусский ареал, намечаемый областными словарями XIX в. Прилагательное *возгривый* 'сопливый' Слов. Акад. 1789 г. регистрирует как «простонар.», ср.: а теперь ево дети хужей верблюда возгривого и червивого (№ 9, л. 256). В картотеке ДРС находим пример прилагательного *возгривый* — из «Старинных сборников русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий» П. Симони: «Взявъ жену брюзгливу утирай что возгриву» (стр. 85). Воронежские говоры до сих пор сохраняют прилагательное *возгривый* и существительное *возгри*: *Возгри распустыл*; *у, вазгривый* (Новая Ольшанка), *Вазгривай, а ужь кѣря* (Краснолипые), *Утри вазгри дитѣнку* (Роговатое).

В сказках встречаем и наречие *брушмо*: и учал ево Василья бить по спинѣ по плячамъ по рукамъ и по всему

по тѣлу и составѣ съ рукъ переломаль и пѣриль брушмо тою палкою в животѣ (№ 9, л. 257). Оно образовано от глагола *брушати*, известного местным грамотам XVII в. в значении 'колоть': и жена ево Никифорава Маря учела меня лаеи и бит ослопом и колом было шибала и брушила и с ногъ меня свалила (ф. ДВГС, № 1, л. 1). Диалектизм *брушмо* поныне живет в воронежских говорах⁷. Привлечет внимание диалектологов и глагол *переть* 'колоть, толкать'.

Сказки содержат интересные данные по исторической морфологии и словообразованию. Прослеживаются остатки старой системы именного склонения. В тв. падеже мн. числа существительных мужского рода: платиль. . . в рядѣ с черкасы (№ 9, л. 602), съ прочими однадворцы (№ 9, л. 211), с архиереискими служители (№ 9, л. 137), . . . разными случаи (№ 8, л. 30), написанъ со крестьяне (№ 8, л. 333), со всякими пожитки и скотомъ (№ 21, л. 296), две парь рубахъ алленых и с порты (№ 9, л. 447). В предл. падеже мн. числа существительных мужского и среднего родов: и по указных летехъ (№ 9, л. 520), и в прошлых годах (№ 9, л. 523), в малых летех (№ 9, л. 523), из другихъ городѣхъ (№ 9, л. 400), в уѣздех (№ 9, л. 337). В предл. падеже ед. числа существительных женского рода: на помѣстной ево земли (№ 9, л. 600), на пашни (№ 9, л. 601), на отцовской земли (№ 10, л. 320).

В ревизских сказках широко представлены имена существительные с суффиксами отвлеченности *-ство*, *-ость*, *-ание*, *-ение*: свидѣтельство (№ 9, л. 3), жительство (№ 9, л. 578), малолѣтство (№ 8, л. 5), вдавство (№ 21, л. 86), приданство (№ 21, л. 196), салдатство (№ 10, л. 62), сиротство (№ 9, л. 337), разбродство (№ 10, л. 314), купечество (№ 9, л. 154), адмиралтетство (№ 9, л. 642), дворовство (№ 9, л. 402), пьянство (№ 21, л. 26), престарелость (№ 9, л. 20), поповство (№ 21, л. 13), бытность (№ 9, л. 640), смотрение (№ 21, л. 386), продолжение (№ 21, л. 93), услужение (№ 21, л. 93), пополнение (№ 21, л. 93), понуждение (№ 21, л. 118), бесположение (№ 21, л. 176), истязание (№ 9, л. 9), научение (№ 9, л. 9), прокормление (№ 9, л. 205), владение (№ 21, л. 77), вырабо-

---

⁷ См.: В. П. Санжарова. Лексико-семантическая и структурная характеристика наречий в южнорусских говорах (на материале говоров Воронежской области). КД. Самарканд, 1972, стр. 183.

тование (№ 9, л. 578), задержание (№ 21, л. 199), згорение (№ 9, л. 638), терпение (№ 8, л. 129) и др.

Наряду с новыми в изучаемых книгах наличествуют и старые формы числительных: двадцати дву (№ 21, л. 1), писанъ дву лѣтъ (№ 9, л. 450), написанъ полутора годы (№ 21, л. 15), писанъ дву недель (№ 9, л. 500), оби руки (№ 8, л. 122), полутретья году (№ 8, л. 210), сороку лѣтъ (№ 8, л. 449), сороку пяти лѣтъ (№ 8, л. 525), дву годовъ (№ 8, л. 514), получетверта году (№ 10, л. 85), дватцати четыри года (№ 9, л. 75).

Из глагольных форм укажем на аористную *умре*: а в котормъ году умре тово онъ не упомнетъ (№ 9, л. 32), да братъ мои двоюродной Моисѣи Григорьевъ снъ умре (№ 9, л. 632), у меня вотчим Сидор Селиверстов снъ умре (№ 6, л. 392), отць мои Акимъ умре (№ 8, л. 5). Наряду с архаической *умре* встречаем и форму *умер*: у Петра пасанокъ Андрей Каприянов снъ полугоду. . . умеръ (№ 6, л. 229), у него снъ а мнѣ деверъ Козма шти лет умер (№ 6, л. 261), у меня сводной брат Акинфеи полутора году умеръ (№ 6, л. 340), у него ж Данилы своякъ Иванъ Ганчаров умер (№ 6, л. 435), умеръ в работниках (№ 6, л. 463) и т. д.

Отметим, возможно, и сомнительные, если принять во внимание вероятность недописывания выносного *т*, формы глаголов настоящего времени 3 лица без окончания: и взять в службу в казенные печники в прошлых годѣх а в котормъ подлинно не упомня (№ 9, л. 443), жительство иметъ во ономъ селе у показанномъ дворе (№ 9, л. 604), отпущен в дом свои или гдѣ пожелаетъ жить (№ 9, л. 535). Подобные формы редко встречаются в старой деловой письменности⁸, поэтому их проявления в сказках представляют особую ценность. Они свидетельствуют о весьма выразительной южновеликорусской особенности.

Из синтаксических особенностей укажем следующие: род. падеж с предлогом *с* в значении *из*: я с того села шел в город Воронежъ (№ 6, л. 172), с Москвы приехал на Воронеж (№ 9, л. 33), с той крепости сошел в городъ Азовъ (№ 9, л. 547), з того города Костенска взять на Воронеж (№ 9, л. 69), с той слободы съехал (№ 9, л. 33); предл. падеж с предлогом *на* в значении *в*: взять на Воро-

---

⁸ С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963, стр. 211—212.

неже (№ 9, л. 55), жительство он имеет на Воронежесвоимъ дворомъ (№ 9, л. 33); вин. падеж с предлогом *на* в значении *в*: взять он Василеи на Воронеж (№ 9, л. 50); тв. причины с предлогом *за*: за падучею болезнею из оного полку отставлень (№ 8, л. 413), за старастию и слабостию и за ломотою отставлень (№ 9, л. 445), отецъ ево какова чину члвкъ былъ онъ за малолѣтством не знаетъ (№ 9, л. 523); смешение дат. и предл. падежей мн. числа: взрос по городу Воронежу по разным людех (№ 9, л. 231).

Сказки, далее, подтверждают наличие в воронежских говорах в прошлом некоторых фонетических явлений. Многочисленны случаи аканья в первом и втором ударных и в заударных слогах: адна (№ 6, л. 29), радной (№ 6, л. 61), паповъ (№ 9, л. 17), паход (№ 9, л. 506), салдаты (№ 9, л. 58), панамаремъ (№ 9, л. 61), аднадворецъ (№ 8, л. 2), монастыря (№ 9, л. 102), нагами (№ 9, л. 91) и мн. др. Случаи яканья: свяло (№ 8, л. 12), плячам (№ 9, л. 257), Афанасявъ спъ (№ 8, л. 15), Федосьява (№ 8, л. 31), Леонтьявы (№ 8, л. 247). Отмечается *у* на месте *в* и пропуски *в* в интервокальном положении — свидетельства губно-губного *в*: у дворе (№ 9, л. 604), жиущей (№ 9, л. 604), зауть (№ 21, л. 179). Представлены примеры с сочетанием *шн* на месте *чн*: на урошныи годы (№ 21, л. 435), кирпичное дело (№ 9, л. 237). Указанные фонетические явления широко представлены в современных воронежских говорах⁹.

Перечень иллюстраций можно было бы продолжить. Однако и приведенные извлечения характеризуют ре-визские сказки как такие источники, привлечение которых при изучении истории языка совершенно необходимо.

---

⁹ В. И. Собиенникова. Общепародные и диалектные черты в языке областной письменности XVII—начала XVIII века (по материалам воронежских грамот). «Начальный этап формирования русск. национального яз.». Изд-во ЛГУ, 1961.